

общаго уровня нравственности, жестокими приемами наказанія, тюрьмы, каторги, висѣлицъ, гильотинъ, — скорѣе содѣйствуютъ огрубнѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію числа насильниковъ.

«Безъ государства», говорятъ еще, «не было бы всѣхъ тѣхъ учрежденій воспитательныхъ, образовательныхъ, религиозныхъ, путе-сообщительныхъ и другихъ. Безъ государства люди не умѣли бы учредить общественныхъ нужныхъ для всѣхъ дѣлъ». Но этотъ доводъ могъ имѣть основаніе то же только нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Если было время, когда люди были такъ разобщены между собою, такъ мало были выработаны средства сближенія и передачи мыслей, что они не могли сговориться и согласиться ни въ какомъ обществѣ ни торговомъ, ни экономическомъ, ни образовательномъ дѣлѣ безъ государственнаго центра, то теперь уже нѣтъ этой разобщенности. Широко развившіяся средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, конгрессовъ, ученыхъ, экономическихъ, политическихъ учрежденій, люди нашего времени не только вполне могутъ обходиться безъ правительствъ, но что правительства въ большей части случаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ достиженію этихъ цѣлей.

Съ конца прошлаго столѣтія едва ли не всякій шагъ впередъ человѣчества не только не поощрялся, но всегда задерживался правительствомъ. Такъ это было съ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія, пытки, рабства, съ установленіемъ свободы печати и собраній. Въ наше же время государственная власть и правительства не только не содѣйствуютъ, но прямо препятствуютъ всей той дѣятельности, посредствомъ которой люди выработываютъ себѣ новыя формы жизни. Рѣшенія вопросовъ рабочаго, земельнаго, политическаго, религиознаго не только не поощряются, но прямо задерживаются государственною властью.

«Безъ государства и правительства народы были бы поработаемы сосѣдями».

Едва ли нужно еще возражать на этотъ послѣдній доводъ. Возраженіе находится въ немъ самомъ.

Правительства, какъ это говорятъ намъ, необходимы со своими войсками для защиты отъ могущихъ поработить насъ сосѣднихъ государствъ. Но вѣдь это говорить всѣ правительства другъ про друга, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что всѣ Европейскіе народы исповѣдуютъ одинаковыя принципы свободы и братства и потому не нуждаются въ защитѣ другъ отъ друга. Если же говорить о защитѣ отъ варваровъ, то для этого достаточно 2,001 тѣхъ войскъ, которыя стоятъ теперь

подъ ружьемъ. Такъ что выходитъ обратное тому, что говорится: государственная власть не только не спасаетъ отъ опасности нападенія сосѣдей, а напротивъ, она-то и производитъ опасность нападенія.

Такъ то для всякаго человѣка, посредствомъ воинской повинности поставленнаго въ необходимость вдуматься въ значеніе государства, во имя котораго отъ него требуется жертва его спокойствія, безопасности и жизни, не можетъ не быть яснымъ, что для жертвъ этихъ нѣтъ уже въ наше время никакого основанія.

Но мало того, что, разсуждая теоретически, всякій человѣкъ не можетъ не видѣть, что жертвы, требуемыя государствомъ, не имѣютъ никакого основанія; даже разсуждая практически, т. е. взвѣсивъ всѣ тѣ тяжелыя условія, въ которыя поставленъ человѣкъ государствомъ, всякій не можетъ не видѣть, что для себя лично исполненіе требованій государства и подчиненіе себя воинской повинности для него въ большинствѣ случаевъ невыгоднѣе, чѣмъ отказъ отъ нея.

Если большинство людей предпочитаетъ подчиненіе неподчиненію, то это происходитъ не вслѣдствіе трезваго взвѣшыванія выгодъ и невыгодъ, а потому, что къ подчиненію привлекаетъ людей гипнотизація, которой они при этомъ подвергаются. Подчиняясь, люди только покоряются тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляются, не разсуждая и не дѣлая усилія воли; для неподчиненія нужно самостоятельное разсужденіе и усиліе, на которое не каждый бываетъ способенъ. Если-же, исключивъ нравственное значеніе подчиненія и неподчиненія, сообразоваться только съ однѣми выгодами, то неподчиненіе въ общемъ всегда будетъ выгоднѣе подчиненія.

Кто бы я ни былъ, человѣкъ ли принадлежащій къ достаточнымъ, угнетеннымъ классамъ, или къ рабочимъ — угнетеннымъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ невыгоды неподчиненія меньше, чѣмъ невыгоды подчиненія, и выгоды неподчиненія больше выгодъ подчиненія.

Если я принадлежу къ меньшинству угнетателей, невыгоды неподчиненія требованіямъ правительства будутъ состоять въ томъ, что меня, какъ отказавшагося исполнить требованія правительства, будутъ судить и въ лучшемъ случаѣ или оправдаютъ или, какъ поступаютъ у насъ съ менонитами, — заставятъ отбывать срокъ службы на невоенной работѣ; въ худшемъ же случаѣ приговорятъ къ ссылкѣ или заключенію въ тюрьму на два, три года (я говорю по примѣрамъ, бывшимъ въ Россіи) или, можетъ быть, и на болѣе долгое заключеніе, можетъ быть, и на казнь, хотя вѣроятіе такого наказанія очень мало.

Таковы невыгоды неподчиненія. Невыгоды же подчиненія будутъ состоять въ слѣду-